

ные выражения. Так, горлатная шапка сравнивается с «расширяющимся кверху цилиндром» (стр. 598). Если имеется в виду головной убор «цилиндр» (который действительно иногда расширялся кверху), то шапка с ним не может быть сравнима, поскольку не имеет полей, обязательных для цилиндра. Если же речь идет о геометрической фигуре, то можно скорее говорить об усеченном конусе. Число подобных примеров можно было бы увеличить, но не они определяют ценность рецензируемой книги.

«Восточнославянский этнографический сборник» является одной из первых книг, обобщающих огромный материал, накопленный дореволюционной и советской этнографией. Он представляет собой крупный вклад в развитие этнографической науки и долгое время будет настольной книгой не только для исследователей этнографии восточных славян, но и для ученых ряда смежных специальностей. Хочется пожелать, чтобы такие обобщающие работы появились и по другим разделам материальной и духовной культуры восточных славян.

М. Г. Рабинович

В. И. Чичеров. *Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований)*. Труды Института этнографии Академии наук СССР. Новая серия, т. XL, М., 1957, 236 стр.

Рецензируемое исследование В. И. Чичерова, одного из виднейших деятелей советской фольклористики, безвременно скончавшегося в 1957 г., — его докторская диссертация, успешно защищенная им в 1948 году.

Русский земледельческий календарь до последнего времени оставался по существу неизученным. Как правильно было отмечено В. И. Чичеровым в послесловии к его книге, в отношении русских календарных обрядов и обрядового фольклора укоренился взгляд, что они представляют собой искажение материала, более полноценно сохраняемого украинцами и белорусами. Поэтому в научной литературе специально русскому обрядовому фольклору уделялось мало внимания, а обычно рассматривался восточнославянский календарно-обрядовый фольклор в целом. Между тем силами многих собирателей-этнографов и фольклористов — в области русского народного календаря за XVIII—XX вв. накоплен большой материал наблюдений и фактов. Важные данные имеются также в памятниках древнерусской письменности и изобразительного искусства.

Справедливо придавая большое познавательное значение календарно-обрядовому фольклору как отражению народного сознания в его историческом развитии, В. И. Чичеров поставил своей задачей систематизацию, научное обобщение и освещение накопленных материалов. Ограничив себя, ввиду обширности этих материалов и сложности задачи, пределами зимнего земледельческого календаря, В. И. Чичеров привлек огромное количество фактов, которые и подверг конкретно-историческому изучению в связи со спецификой экономического и культурного развития русского народа. Это дало ему возможность выделить как общие черты в зимнем обрядовом фольклоре всех славянских народов, так и своеобразие русского зимнего календаря. Насыщенность исследования фактическим материалом и конкретно-историческое его изучение — одно из больших достоинств книги.

Основной пафос работы — в раскрытии органической связи календарных обрядов и фольклора с трудовой деятельностью крестьян. Автор не затуманивает религиозной направленности многих аграрных обрядов и связанного с ними фольклора. Но он указывает ошибочность безоговорочного и полного отнесения всех обрядов к области религии. Среди них должны быть выделены такие, которые действительно отразили народные верования и совершались в определенные периоды жизни народа с магическими целями, а с другой стороны, и такие, в которых ясно видны элементы стихийно-материалистического осознания мира, обусловленные практическим опытом народа — наблюдениями над состоянием природы, прибыванием или убыванием солнечной энергии, снегом, дождем и т. п. Первую группу обрядов В. И. Чичеров понимает как сложный комплекс пережиточных явлений, восходящих к дохристианской эпохе, и так называемого бытового православия, которое автор определяет как «своеобразную, созданную крестьянством редакцию христианской религии» (стр. 9).

Таким образом, истоком обрядовой поэзии была, по словам В. И. Чичерова, «жизнь, общественная и трудовая деятельность, к которой присоединялось стремление использовать силы, созданные воображением человека» (стр. 10). Это и определило наличие в быту русского крестьянства обрядовой поэзии.

Таковы общие методологические предпосылки автора, в свете которых он и рассматривает собранные в книге материалы и которые определили новаторский характер его труда.

Книга состоит из шести глав. В главе I, носящей характер введения, изложены указанные выше исходные положения и дан общий обзор русского земледельческого календаря и его циклов. Автор прослеживает производственную основу календаря, фиксирующего важные для земледельца наблюдения над природой в течение всего

года и представляющего собой даты работ в поле или дома и связанных с этими работами обрядов. В главе показано, как в пословицах и поговорках, а также в прозвищах, которые народ дал святым согласно их размещению в святцах, обобщены наблюдения над соотношением тепла и холода в разные календарные сроки и отражены практические выводы, сделанные народом на основе этих наблюдений, приведены народные приметы, которыми руководился земледелец. Таким образом, как убедительно показывает автор, народный аграрный календарь лишь формально (по отмечаемым именам) связан с церковными святцами.

В этой главе автор касается также вопроса о циклизации календарных обрядов и фольклора. Возражая против деления мифологами годовых обрядов на летний и зимний циклы, автор отмечает абстрактный характер этого деления, возникшего на основе солярной теории и игнорирующего производственную деятельность человека. При таком делении осеннее время — важный период, связанный с подготовкой и проведением сбора урожая, — не находил должного места в календаре. Автор возражает также против попытки обосновать народный аграрный календарь чередованием времен года, поскольку членение года на четыре равных отрезка является условным, не отражает фактических сроков перехода природы из одного состояния в другое.

Исходя из положения, что аграрный календарь «вырос на основе конкретных наблюдений над процессами умирания и оживления природы», что «в его основе лежит труд человека» и что это прежде всего «свод указаний для практической деятельности человека» (стр. 16), автор предлагает деление на два основных цикла: обряды, связанные с подготовкой урожая, и обряды, сопровождающие получение урожая. Первый цикл имеет два периода — зимний и весенне-летний, второй — один, осенний. Далее приведена таблица обрядов, выполняемых в определенные сроки, которая показывает периодичность и повторяемость этих обрядов, что обусловлено их целеустремленностью — пожелать и обеспечить благополучие на определенный отрезок времени.

Главы II—VI посвящены изучению собственно зимнего календаря. В главе II рассматривается календарь октября — середины декабря, т. е. периода становления зимы, постепенного омертвения природы и угасания солнечной энергии; в III—VI главах — календарь середины декабря — начала февраля, периода возрождения солнца и постепенного перехода к весне. И здесь, и там отмечено, как воспринимался каждый данный период русскими крестьянами, указаны наиболее важные для них даты, приведены приметы и легенды, магические и бытовые обряды, связанные с отдельными датами и с данным периодом в целом. Автором привлечен обширный материал по обрядовому фольклору других народов, славянских и неславянских, который дает возможность отметить общие типологические черты календарно-обрядового фольклора народов Европы, основанные на общности трудовых процессов и психологии труженика-земледельца, и своеобразие русского народного календаря (разная длительность тех или иных периодов, различие в сроках и датах работ и т. п.), определенное климатическими условиями.

В. И. Чичеров выделяет также те обряды, обычаи, игры, произведения фольклора; в которых отразились древнейшие верования, представления о возможности магического воздействия на окружающий мир для обеспечения благополучия и плодородия (колядование, обрядовая еда, гадание, ряжение и т. п.). Он прослеживает постепенное преодоление этих пережиточных элементов в зимнем календаре и превращение обрядов, некогда имевших магическое значение, в простое развлечение, в игру (например, гаданье, святочные игры в свадьбу и т. п.).

Вследствие особой насыщенности обрядами и фольклором периода середины декабря — начала февраля, автор посвящает специальные главы обрядности нового года (глава III), новогодним заклинательным песням (глава IV), играм и ряжениям (глава V), календарным датам января — начала февраля (глава VI).

Одна из самых интересных и тщательно разработанных — глава о новогодних обрядовых песнях¹. Автор выделяет два вида русской новогодней песни — овсеню и виноградь, отмечает их соотношение с украинскими колясками и шедровками, определяет и области бытования всех этих видов новогодней поэзии. (В книге дана карта границ их распространения, стр. 118.) Впервые отчетливо устанавливается своеобразие среднерусского обряда колядования — его обобщенный, неиндивидуализированный характер (величание не отдельных лиц, а семьи в целом) в отличие от дифференцированного характера колядования у украинцев, болгар и румын.

Отметив основные типы колядовых, или овсневых, песен (элементы этих типов существуют и отдельно, и в соединении друг с другом) — тип величания с пожеланием богатства, тип просьбы о подаянии, тип шуточной песни, — В. И. Чичеров рассматривает различные вариации этих песенных типов, исследует поэтические образы, генетически восходящие к магии и древним культам (образ железного тына, уподобление хозяев солнцу, месяцу, звездам и другие), раскрывает магический смысл новогодних обрядов. Интересно показано, как осложняются тексты среднерусских новогодних песен мотивами песен, тематически смежных, главным образом свадебных величальных песен, как втягиваются в обряд колядования песни игровые, хороводные, шуточные с соответствующей их переработкой. Такие новообразования в святочной новогодней обрядности, справедливо указывает автор, свидетельствуют о постепенном превращении обряда магического характера в игру, увеселение. Попутно автором вносятся существенные

¹ Глава была напечатана в виде статьи в журн. «Сов. этнография», 1948, № 2.

поправки в некоторые утверждения прежних исследователей. Так, например, показано, что святочная песня, записанная в 1928 г. в Дмитровском уезде Московской области и воспринятая как относящаяся к древнему обряду кликанья «плуги» (обряд упоминается в грамотах XVI в.), — не что иное, как приурочение к обряду колядования песни-потешки. Автор отмечает также, как основную особенность русской новогодней поэзии, чуждость ее христианской легенде. Борьба русской церкви в период становления национальной культуры против дохристианских верований обусловила противопоставление в русском народном творчестве отдельных жанров обрядовой поэзии церковной христианской легенде. В. И. Чичеров пересматривает толкования некоторых песен, как якобы связанных с культом христианских святых, и убедительно доказывает ошибочность таких толкований (стр. 143—148).

Так же основательно анализируется северный вид новогодней песни — виноградьё. Одной из главных особенностей святочных виноградий В. И. Чичеров считает обилие в них величальных свадебных мотивов, а также наличие четкой дифференциации песен применительно к величаемым лицам, что отличает северное виноградьё от среднерусского овсеня. Автор с достаточным основанием предполагает, что эти индивидуализированные величания в календарной святочной и новогодней обрядности «первоначально разработались как вид свадебной лирики» (стр. 154) и лишь потом были перенесены в новогодний обряд, поскольку целевая установка аграрной обрядности первоначально была производственной, а не семейно-бытовой. Рассмотрение же бытования виноградьё на зимних посиделках, исполнение его на масленицу, отсутствие упоминаний о виноградьё в документах XVI—XVII вв. (где перечисляются святочные и новогодние обряды) привели автора к мысли о том, что виноградьё и не было специально новогодней песней, не имело точного приурочения во времени, а сформировалось как величальная песня, «исполняемая при различных обстоятельствах» (стр. 159). Что же касается сохранившихся кое-где на Севере в XIX в. колядок обычного типа, то, подчеркивает автор, это были уже в полном смысле слова пережитки, все более и более вытесняемые величальными песнями — виноградьём.

Таким образом, выясняется, что исконным типом русской новогодней песни является овсень, дольше и лучше сохранившийся в средней полосе России. За пределами распространения овсеня наблюдается уже разложение и перерождение новогодней песни.

В работе поставлен также вопрос о соотношении старинного величания и церковных песнопений, составляющих так называемые «славение Христа», распространяемых в XIX в. под воздействием церкви и находившейся под ее влиянием школы. Автор отмечает, что эти два вида обрядовых текстов — овсень и виноградьё — сосуществовали, не смешиваясь.

Так же содержательны и другие части работы. Так, в главе V рассматриваются различные типы и вариации святочных игрищ, дан обзор песенного материала, используемого на святочных вечеринках, раскрывается, как основная, брачная тема этих песен и игрищ, когда-то, по справедливому предположению автора, осмысливавшаяся «по связи с образом возрождающейся плодоносной силы земли» (стр. 184). Рассматриваются также маски новогоднего ряжения у русского народа, их генетическая связь с ранними формами религии и с основной темой новогодней обрядности — темой возрождения солнца и грядущего оживания природы; подчеркивается обусловленность популярности некоторых из масок (кобылки, быка) у русского народа особенностями его хозяйственной жизни. Как и в других разделах книги, автор особое внимание уделяет процессу перерождения новогодних игрищ и ряжения из обрядовых действий в праздничные народные развлечения с насыщением их элементами бытовой и социальной сатиры.

Таково богатое содержание рецензируемой книги. Обширные материалы, введенные в научный оборот, их внимательный анализ и систематизация составляют бесспорно большую ее ценность. Особенно ценно и значительно в ней последовательное и хорошо в большинстве случаев аргументированное раскрытие производственной основы календарной обрядности и фольклора, а также показ постепенного преодоления в них пережитков древних верований вместе с расширением бытовых мотивов. Все это делает книгу очень значительным вкладом в этнографическую и фольклористическую литературу.

В большом исследовании сложного и малоизученного материала всегда можно найти отдельные пропуски, некоторую недосказанность, иногда и спорные утверждения. Отмечу некоторые из них. В разделе о новогодних гаданиях упоминается пение славы хлебу перед пением собственно подблюдных песен. Автор справедливо предполагает, что слава хлебу была органичной в подблюдных песнях, так как тема личной судьбы человека в новогодних гаданиях неразрывно связана с темой урожая. Но автор не ставит вопроса о том, не входило ли в самый обряд первоначально гадание не только о личной судьбе (замужестве, богатстве и т. п.), но и об урожае, тем более что на блюдо (или около него) клали куски хлеба. Привлечение аналогичных обрядов других народов, может быть, помогло бы точнее объяснить происхождение этой славы хлебу. Не объяснена и такая деталь обряда пения над блюдом, когда на блюдо или около него кладут уголек из печи. Не имело ли это какого-либо отношения к пережиткам культа домашнего очага, игравшим еще в XIX в. довольно большую роль, например в свадебных обрядах? Недостаточное раскрытие древнейших, дохристианских представлений в обрядах и связанном с ними фольклоре ощущается иногда и в других частях работы.

На стр. 98—102 рассматривается игровая песня «Уж я золото хороню». Анализ различных вариантов этой песни, исполнявшейся в некоторых местах в качестве подблюдной, привел автора к правильному заключению, что эта песня чужда крестьянским гаданиям, что первоначальная ее основа — игра. Однако определение этой песни как произведения городского игрового фольклора остается недоказанным. На стр. 104 приводится подблюдная песня о богатых мужиках за рекой, гребущих лопатами и лукошками золото и серебро. Песня приводится как предвещающая прибыль — богатство. Но песня эта далеко не всюду так воспринималась; иногда ее, наоборот, считали предвещанием утраты близкого человека, смерти. В вариантах песни говорится и о жемчуге, который лопатами гребут мужики (серебро, жемчуг в народном поэтическом творчестве — часто символы слез). Вспомним использование этой песни и ее истолкование в пятой главе «Евгения Онегина» — «Но сулит утраты сей песни жалостный напев». Эта песня, под которую Татьяна вынимает колечко, — одно из художественных звеньев, связывающих главу пятую с шестой, где изображена смерть Ленского.

Отметив процесс разложения и перерождения новогодней песни на Севере еще в то время, когда она сохранялась в средней полосе России, В. И. Чичеров не ищет этому объяснения. Он лишь констатирует данный факт как «странное» для русского Севера явление, поскольку «именно там до XX столетия хранились и совершенствовались многие произведения народного искусства, исчезавшие в других местах» (стр. 163). Между тем следовало бы посмотреть, что происходит на Севере с другими обрядовыми элементами народного земледельческого календаря, и поискать объяснения худшей его сохранности на Севере по сравнению со средней полосой России в исторических условиях, в специфике производственной жизни северян.

Можно было бы привести и еще некоторые аналогичные случаи недосказанности или недостаточной аргументации, что приводит иногда к известной декларативности. Но все это — частности, мелочи, которые не влияют на общую высокую оценку всего труда.

Книга В. И. Чичерова — ценный вклад в науку. Нет сомнения, что, если бы не безвременная кончина автора, он продолжил бы свои плодотворные изыскания в области календарно-обрядовой поэзии. Надо надеяться, что у В. И. Чичерова найдутся последователи, которые подвергнут такой же тщательной и глубокой разработке другие периоды русского народного календаря.

А. М. Астахова

Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарий А. М. Астаховой. Изд-во АН СССР. Серия «Литературные памятники». М.—Л., 1958, 557 стр.

В современной советской фольклористической литературе нет ни одного сборника, который объединил бы все (или хотя бы важнейшие) разработки какого-нибудь одного сюжета или образа сказок, былин, исторических песен и т. д. В 1930-е годы, правда, делались отдельные попытки объединения различных вариантов одного сказочного сюжета (А. И. Никифоровым¹) или исторических песен одного цикла (А. Н. Лозановой²), однако эти публикации либо не получили отклика и затерялись на страницах научной периодики, либо значительно устарели. В области же былин подобных попыток вообще не предпринималось, если не считать появившегося почти столетие назад сборника Киреевского, в котором известные в то время записи XVIII и первой половины XIX в. были расположены по определенным циклам, намеченным его издателем П. Бессоновым. Подавляющее же большинство известных ныне текстов былин было записано во второй половине XIX и в XX в., причем варианты былин в сборниках группировались обычно по районам записи и по исполнителям. Подобный способ расположения текстов помог в свое время выработать важные для фольклористики представления о творческой роли сказителя, о различии областных школ сказительства, об активности бытования былин в отдельных районах и т. д. Однако не менее важное изучение процесса коллективного создания образа, уяснения богатства и разнообразия его варьирования и т. д., естественно, отодвигались на второй план.

Именно поэтому идея создания сборника, который объединил бы важнейшие варианты былин об одном богатыре — Илье Муромце, кажется нам чрезвычайно актуальной и плодотворной и в общетеоретическом, и в специальном былинноведческом плане. В то же время подобный сборник интересен и широким массам читателей, так как он сводит воедино все, что рассказал народ об Илье Муромце.

Следует подчеркнуть, что совершенно закономерно создание сборника такого типа на материале былин, так как именно в былинах образ героя-богатыря ясно выдвигается на первый план, решительно подчиняя себе развитие сюжета, композицию, разнообра-

¹ «Победитель змея (Из северно-русских сказок). 15 сказок новой записи А. И. Никифорова», Сборник «Сов. фольклор», № 4—5, М.—Л., 1936.

² А. Н. Л о з а н о в а, Народные песни о Степане Разине, 1928.